

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

ПОЛЮБИТЬ ВЕДЬМУ
И ВЫЖИТЬ

16+

Надежда Соколова

Полюбить ведьму и выжить

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Соколова Н. И.

Полюбить ведьму и выжить / Н. И. Соколова — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

Приехала отдохнуть на природе, а попала в самую настоящую сказку: тут и дед Пихто, и говорящий кот, и Кошей Бессмертный. Последний, похоже, даже глаз на тебя положил. И все бы ничего, но ты - ведьма без знаний и опыта. Зато силы у тебя - хоть отбавляй. Осталось научиться ею пользоваться и никого не убить при этом.

© Соколова Н. И., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Надежда Соколова

Полюбить ведьму и выжить

Глава 1

*Где же сказка? Где же чудо?
Неожиданности где?
Здесь деревья, как и всюду,
отражаются в воде.
Песня из фильма «Тайна Снежной Королевы»*

На краю края земли, где небо ясное

Как бы вроде даже сходит за кордон,

На горе стояло здание ужасное,

Издаля напоминавшее ООН.

В.С. Высоцкий. «Сказка о несчастных сказочных персонажах»

– Мама, мама! Он разговаривает! Ну мама! – непоседливый ребенок упрямо тянул меня за передник к порогу, у которого уселся толстый пушистый кот непонятного серо-бежевого цвета.

– Ника, ты же взрослая девочка, – устало вздохнула я, тщетно пытаюсь вспомнить, куда снова дела мобильник, ведь совсем недавно видела где-то эту дурацкую «звонилку», – ты же прекрасно знаешь: коты говорить не могут.

– Все бабы дуры, – раздалось неожиданно от порога. Толстый котяра смотрел на меня презрительно, не забывая при этом тщательно умываться.

– Вот! – торжественно объявила дочь. – Ты слышала?

Я только качнула головой и повернулась к двери, внимательно наблюдая за проходом.

– С вашей стороны некрасиво прятаться, кто бы вы там ни были.

– Но, мама, – растерянно протянула Ника, – там нет никого!

Я демонстративно подошла к порогу, подавив желание отодвинуть ногой нахальное животное, рассеянное посередине, выглянула наружу. Вправо – никого. Влево – никого. Что за чушь...

– А я говорил, – послышался уже знакомый голос... снизу.

Я посмотрела под ноги. Кот. Чушь.

– Ника, мы лекарства с собой брали? – уточнила я, устало потирая лоб. – Похоже, перегрев. Ну да, тут так жарко...

– Мам! – возмутился ребенок. – Это кот сказал! Ну правда!

По ноге мазнул хвост, а затем...

– Ай! – взвизгнула я, нагнувшись.

Ну точно! Укусил! Вот сволочь! На коже возле колени виднелись две маленькие ранки.

А на меня смотрели оранжевые глаза. Вполне осмысленно смотрели. Психдом на выезде.

– Юлька! – послышался в нескольких шагах от дома недовольный старческий голос. –

Юлька, чтоб тебя мухи съели!

Ну вот, аборигены. Сейчас мне наконец-то все объяснят.

– Юлька! – голос слышался уже возле порога. – Юлька, ты почему кузнецу...

В доме появился низенький сморщенный дед, лет семидесяти-восемидесяти, не меньше, небрежно оттолкнул ногой недовольно зашипевшего кота, требовательно повернулся ко мне.

– Ты кто? Где Юлька?

– Я Даша. Не знаю, – честно ответила я на оба вопроса.

– Вот же с... – дед осекся, заметив Нику.

– Сука, да? – подсказала умная дочь.

– Ника! Не смей выражаться! – возмутилась я и вежливо уточнила. – Простите, а вы кто?

– Дед Пихто, – буркнул гость. Похоже, вежливости здесь учили только меня. – Ну что смотришь? Зовут меня так: дед Пихто. Староста я деревенский. Где эта... Юлька? Какого... лешего...

– Она сказала, что уедет на неделю, в отпуск, – сдала я нерадивую подругу.

– А, то есть ты ее знаешь? – прищурился дед, оглядывая меня с ног до головы.

– Мы с детства дружим, – странные огоньки, в буквальном смысле загоревшиеся в серых глазах гостя, мне не понравились.

– С детства, говоришь, – нехорошим тоном протянул Пихто. – А это кто? Дочь твоя? – он кивнул в сторону Ники.

– Дочь, да, – кивнула я.

– Чудно, – непонятно чему обрадовался старик. – Дарья, говоришь? Дружите, говоришь?

Я настороженно кивнула, в мыслях уже прикидывая, как можно аккуратно обезвредить явно помешавшегося местного жителя и с помощью чего вызвать «скорую». Чувствую я, перегрев не только у меня...

– Так что ж ты, мухи тебя раздери, стоишь! – вскинулся дед. – Пошли в деревню!

– Зачем? – где-то я читала, что с психически нездоровыми нужно разговаривать ровно, если не ласково, и ни в коем случае не спорить, если нет желания подальше от них улепетывать.

– Как зачем? – непритворно изумился «Пихто». – У Глашки Буренка рожают. Телят принять надо, да самой Глашке настоячки дать, чтоб не орала, как резаная.

– А я тут при чем? – Глашка, Буренка, телята... Сегодня очень жаркий день, да... Какая Глашка? Тут в нескольких километрах ни души. Я сама всё вокруг внимательно осмотрела, когда утром приехали.

– Как при чем? – разозлился дед. – Ты же ведьма. Вот и помогай. Раз Яга сбежала.

Хрясь. Ой. Кажется, я села на мобильник. Осталось понять, как он на полу оказался.

– Эй, деваха, ты что это?

– Мама, мамочка!

– Все бабы дуры!

Голоса сливались в непонятный шум, вокруг все вертелось, как на карусели, перед глазами плясали противные черные мушки. Я первый раз в жизни упала в обморок.

– Мама, мам, ну мам! Мамочка!

Когда Ника ныла, она была упорна и настойчива, старалась добиться нужного эффекта. «Ты и мёртвого из гроба поднимешь», – ворчала каждый раз её бабушка.

Пришлось открыть глаза. Пол. Всё тот же. И лица. Всё те же.

– Мамочка! – счастливый ребёнок готов был накинуться на меня, и я порадовалась, что лежу.

– Вот же... Малахольная, – проворчал стоявший надо мной дед. – Вставай давай. К Глашке пойдём.

В моем нынешнем состоянии я готова была идти куда и к кому угодно. Так что встала, покряхтывая, как старая бабка, замученная ревматизмом, отряхнула пыль с джинсов и майки, взяла за руку взволнованную дочь и кивнула.

– Ведите.

– Так пойдешь? – язвительно спросил Пихто. – А настойки, а травы? Эх, молодёжь!

Травки, настойки. Да где ж я вам... На моих глазах из стены напротив, ранее идеально гладкой, показалась... выдвинулась... в общем, очутилась на той стене широкая полка. С травками, настойками, пузырьками. И холщовой сумкой.

– Ника, – я растерянно посмотрела на дочь.

– Магия, мам, – как недогадливой, объяснил мне чересчур начитанный ребенок.

Ноги подгибались, но до полки я упрямо дошла. Сгребла всё показавшееся в сумку, без разбора, сняла передник, снова крепко схватила за руку дочь и решительно повернулась к провожатому. Он фыркнул и вышел за порог.

Приехали мы за город два часа назад. Юлька, моя подруга детства, с которой мы, считай, на горшках рядом в садике сидели, предложила мне приятно провести время в её загородном доме. Вдвоем с дочерью.

– Природа, тишина, птички поют, – убеждала она меня. – К деревенским условиям ты привыкла, поживете с Никой в одиночестве, никто вас трогать не будет. Что там тех двух недель?

В принципе, я была с ней согласна. Родители жили в таких же условиях, какие описывала Юлька, разве что с ванной в доме, поэтому мы с дочкой собрали нехитрые пожитки и на старых, несколько раз битых «жигулях» добрались до домика.

Широкое поле, вдали темный лес, неподалеку извилистая речка. И небольшой деревянный домик, стоявший, как бельмо на глазу. Правда, огороженный, но опять же деревянным забором. Подруга клялась и божилась, что диких зверей тут отродясь не водилось, так что за Нику я была спокойна. Все же природа, свежий воздух, тишина. Когда еще вырвемся из загрязненного шумного города и поспим вдосталь без крика торговки и шума машин?

Поэтому слова деда о Глашке и телятах я восприняла как шутку и решила ее поддержать. Думала, выйдем из дома, оглянемся, посмеемся все втроем.

Вышла. И тут же встала, как вкопанная. Домик окружал лес. Густой такой, сквозь него и не продерешься. Небольшая полянка прямо перед жилищем практически не обогревалась солнцем. Вокруг – приятный полумрак. И узенькая ниточка дороги впереди. Причем появилась та «ниточка» только после того, как мы спустились по ступенькам. Чертовщина какая-то.

– Ну что встала? – буркнул недовольный незапланированной задержкой дед, – там, небось, Глашка уже голос сорвала!

Глашка, да. Телята...

Голова закружилась, но я лишь еще крепче стиснула руку дочери и заставила себя шагнуть на тропинку.

Шли мы минут десять. Дочь пришлось отпустить – на тропинке вдвоем мы не помещались. Так что впереди шагал Пихто, за ним – Ника, в конце плелась я.

Запретив себе думать о реальности происходящего, я тщетно пыталась понять, чем могла помочь непонятым Буренке и Глашке. Скромная учительница истории в средних классах общеобразовательной школы, от медицины и травничества я была так же далека, как Земля – от Солнца. Но вот иду же, якобы в деревню, с сумкой, а в сумке настойки. А ну как не ту настойку дам? И кому отвечать за возможные последствия? Правильно, мне...

Я тихонько вздохнула. Лес ответил шумом листьев.

Раз шажок, два шажок, три... – так в детстве я учила ходить Нику, теперь же, словно деревянная, переставляла ноги сама. Густые деревья постепенно поредели, впереди показался небольшой зеленый луг с травой по колено. За ним вроде бы деревня. По крайней мере, крыши видны были издали.

Место появилось, и я решительно схватила за руку шедшую впереди дочь. Она только мученически вздохнула, но вырываться не стала, понимала: бесполезно, тем более в моем нынешнем состоянии.

Дошли мы до деревни довольно быстро, я успела придумать всего два сценария дальнейших событий: негативный и сильно негативный. До очень сильно негативного пока не дошла.

Деревня гостеприимно встретила нас крытыми соломой крышами, лаем собак и воем.

– Глашка воет, – сходу определил наш провожатый.

Дородная бабища минимум в три моих объёма сидела на пыльной земле возле хлева и редела с подвываниями. Рядом с растерянной мордой стояла корова. Телят я не заметила.

– У-у-у! – выла баба

– Му-у-у-у! – вторила ей корова.

– Простите, – почувствовав толчок в спину от Пихто, робко обратилась я к сельскому дуэту, – вам плохо?

– Телок... – еще активней зарыдала баба.

– Что телок? – не поняла я. – Помер?

– Типун тебе на язык! – мгновенно замолчала и сразу же взвилась баба. – Шесть ног у него! Шесть! И где эту Ягу носит?! Обещала же помочь, когда моя Бурёнка... Когда срок подойдет... – вновь залилась горькими слезами собеседница.

Из просторного деревянного хлева за спиной бабы послышалась непонятная возня, потом оттуда выглянула довольная мордашка вымазанной в грязи Ники.

– Мама! Тут теленок! На шести ногах!

Я снова вздохнула. А ведь и джинсы, и майка у ребенка еще час назад были чистыми. Вот отвлекись на секунду, и эта егоза на край света умчаться успеет...

Сумка с лекарствами оттягивала плечо. Я нерешительно посмотрела на продолжавшую прочувствованно выть бабу, перевела взгляд на темное «нутро» хлева, почувствовала очередной толчок от Пихто и, сняв с плеча это сборище склянок, принялась там копать в надежде отыскать что-нибудь подходящее.

К моему удивлению, и склянки, и колбочки, и пузырьки оказались подписанными.

«От гнева», «для доброты», «после ссоры», «грусть и сон», «множество улыбок», «веселый смех», «легкий шаг»... Оригинальное у Юли чувство юмора.

На глаза попался небольшой фигурный флакончик, весело переливавшийся в лучах полуденного солнца.

– «Успокой-настой», – прочитала я, пару секунд посомневалась, боясь представить себе возможные последствия ошибки, потом все же повернулась к сопровождавшему меня деду. – Во что налить...

– Так отдай, – небрежно отмахнулся Пихто.

Ладно, как скажете. Открутив завинчивавшуюся крышку, я аккуратно подала флакончик редевшей бабе.

– Вот, выпейте, вам станет легче.

Честно говоря, я очень сильно сомневалась, что сидевшая на земле профессиональная истеричка меня послушает. Но уж слишком сильно хотелось домой, пусть и в неказистый домик Юльки. Нужно было отдохнуть и всё обдумать.

К моему удивлению, баба выть перестала, взяла двумя толстыми пальцами небольшой флакончик и покорно опрокинула его в себя. Затем она резко мотнула головой, встала и как робот зашагала к высокому деревянному дому возле хлева.

– Ника, – позвала я дочь, внимательно наблюдая за бабой. Не нравилась мне ее походка, что-то неестественное в ней было, – заканчивай играть. Мы уходим.

– Ну мам, – выглянула из хлева радостная чумазая дочь, посмотрела на мое решительное лицо, тяжело вздохнула и покорно поплелась назад рядом со мной.

Добрались мы без приключений, по той же выющейся между деревьями тропинке, по которой шли в деревню, правда, уже без Пихто. Он, выполнив свою миссию, просто исчез,

растворился в воздухе, заставив дочь восхищенно присвистнуть. Одергивать Нику я не стала – сама находилась в подобном состоянии.

– Мам, а где наша машина? – дочь оглянулась вокруг, едва зайдя в огороженный высоким частоколом двор.

– Понятия не имею, Ник, давай сначала пообедаем, потом будем думать, что делать дальше, – устало потерла я лоб ладонью.

Девятилетний ребенок радостно подхватился и ураганчиком умчался в дом. Я, оставшись наедине с собственными скакавшими галопом мыслями и густым лесом, на несколько секунд прикрыла глаза. Увижу Юльку – придушу собственными руками. Или понос нашлю. Ведьма я, или кто? Это ж надо было так подругу подставить. Баба Яга недоделанная. Чтоб ей икалось пару суток без перерыва.

Из дома донеслись шум, крики, затем – звуки, напоминавшие битье посуды. Я встряхнулась, повернулась и решительно направилась к ступенькам. Не знаю, кто и что там бьет, но придушу любого.

Зашла. Оценила раздрай. Отыскала виновников. И кот, и дочь, секунду назад весело носившиеся по всему помещению, замерли столбиками.

– Ника, останешься без ужина. Ты, как тебя, запрю в комнате и мышей давать не стану. Вон оба!

Как я не сорвалась на крик, сама не понимаю. Два бессовестных разрушителя тихонько, почти неслышно, прошмыгнули во двор. Я тяжело вздохнула: порванный острыми кошачьими когтями и каим-то чудом скинутый на пол тяжелый матрас, деревянный остов кровати, весь исцарапанный, побитая глиняная и фаянсовая посуда, черепками валявшаяся у окна, опрокинутые стулья и пустой, уже негостеприимный стол, разодранные в клочья занавески, сиротливо лежавшие на полу... В груди поднялась буря возмущения. Что подруга, что дочь – напакостили, и в кусты! А мне тут корячиться, убирать! Да я!..

С пальцев мгновенно сорвались яркие искры, закружили по комнате в странном танце, всё вокруг на миг замерло, время словно остановилось. А потом... Потом начала сама собой собираться разбитая посуда, затем исчезли царапины на кровати, вернулся на место матрас, повисли там, где и должны быть, занавески...

Когда я пришла в себя, в доме была идеальная чистота. Я испуганно ойкнула, снова села. Снова на пол. Что за чертовщина. Магии не бывает совсем. Всё это чушь собачья...

– Мам, – дверь осторожно открылась, в комнате появилась темненькая головка Ники. – Мамочка, а что...

– Ведьма, – восхищенный голос кота пролился бальзамом на мою израненную душу.

Ну да, действительно, кто б еще меня похвалил. Только кот. Говорящий. Дашенька, девочка, психушка по тебе плачет...

– Так, – я попыталась подняться, но увидела перед глазами звездочки, а тело почему-то ощущалось, как ватное, – Ника, доставай из сумок вещи. В клетчатой – посуда, в зелёной – продукты.

– А ты? Мам? – и до чего у меня понятливый ребенок... Смотрит так пытливо и немного испуганно.

– А я... Доползу до кровати и полежу...

Сознание покинуло меня второй раз за день.

Очнулась я и правда на кровати, вот только кто и когда меня туда перенес?

– Мамочка! – Ника вскочила со стула у стола, на котором рисовала, подскочила ко мне, начала привычно тараторить. – Мамочка, дед Пихто приходил, что-то про ту Глашку говорил, Баюн за мышами ушел, к тебе кто-то стучался, а я не открыла. А ещё...

– Ник, стоп, – чувствовала я себя намного лучше: сил прибавилось, слабость и сонливость исчезли. Теперь я готова была и к Глашке повторно сходить, и с Пихто пообщаться, и непонятному Баюну еды дать, вот только... – На улице что, вечер?

– Ночь уже, мамочка! Я дверь на засов закрыла. А...

– Ника... – я приподнялась с постели, внимательно глядя на шар нежного молочного цвета, зависший в нескольких сантиметрах от поверхности стола. – Что это?

– Где? – удивленно обернулась дочь. – А, так мне темно стало, я пожелала, он появился.

Угу. Гарри Поттер доморощенный. Ладно, как говорила Скарлетт: «Я подумаю об этом завтра». Сперва надо решить насущные вопросы.

– Ника, ты ела?

– Конечно, мамочка! А вот Баюн...

– Кто? – не поняла я, встав с постели и размышляя над дилеммой: то ли снова в обморок упасть, то ли съесть что-нибудь.

– Кот, мам.

– Его Баюном зовут? – желудок сам подсказал правильный ответ.

– Нет, тётъ Юлия его Васькой зовет, но, мам, это ж не солидно!

Правильно, поделом мне, горе-матери. Буду меньше ребенка умным словам учить и прекращу о жизни с ней разговоры вести...

– Ника, убирай свои рисунки. Давай ужинать.

Шар продолжал висеть над столом и прилежно освещать комнату, пока мы с дочерью разбирали сумки и готовились к ужину.

– Мам, – позвал ребенок, наколов на вилку кусок ветчины, – у тебя глаза другие стали. И волосы.

Устав удивляться, я сначала прожевала кусок сыра и только потом уточнила:

– Что значит «другие»?

– Ну... – протянула Ника, запивая еду соком, – цвет другой... Глаза – зелёные, волосы – белые, как у блондинки.

Прощайте, каштановые пряди и синие глаза. Зеленоглазая блондинистая ведьма? А что, звучит. Как раз для какого-нибудь фильма ужасов со мной в главной роли. Смотреть на себя в зеркало я не хотела: хватит на сегодня потрясений. Хорошо хоть внешность дочери осталась прежней. Её большие карие глаза, обрамленные густыми длинными ресницами, и вечно взлохмаченную темную шевелюру в толпе точно не потеряешь.

Спали мы вдвоем на единственной в доме кровати. У родителей в деревне ночевки тоже были без удобств, так что обе мы к такому сну привыкли.

Ночью мне снились шестиногая Глашка и уставший от жизни телёнок, а ещё Бурёнка, медленно цедившая мою настойку.

Разбудил меня непонятный скрежет. Сначала, спросонок, я решила было, что кто-то пытается просверлить в окне отверстие, затем, помотав головой и придя в себя, догадалась, что звук идет от двери. Встав, я на цыпочках, чтобы не разбудить дочь, подошла ко входу, подумала немного и все же открыла дверь.

На пороге оказалась потерянная живность. Васька? Баюн? Какая разница. Кот вальяжно прошел мимо, намеренно задев пушистым хвостом мою голую ногу, подошёл к столу, повернулся и нахально посмотрел на меня.

– Кормить будешь?

– Ой, мамочка, утро уже? – донесся с кровати сонный голос Ники.

Какое там утро. Солнце еще не взошло. Так, рассвет только. Ещё спать и спать.

– Ника, если проснулась, в туалет и умываться. Ты, как тебя? Васька, Баюн? Где у вас тут удобства?

Работа в школе, помимо уймы минусов, имеет несомненный плюс – помогает довольно быстро развить командный тон. Даже если говоришь негромко, все равно люди тебя слушаются. И коты тоже. Укоризненно взглянув на меня, это не в меру разговорчивое создание показало нам с Никой, где именно на улице нужно искать умывальник и туалет, подождало, пока мы приведем себя в порядок, и потребовало, вновь сидя перед столом, уже накрытым к завтраку:

– Корми.

– А как же мыши? – театрально вскинула я брови. Нашелся тут нахлебник.

Кот самым натуральным образом скривился. Никогда не подумала бы, что у животных такая богатая мимика.

– Вот сама их и ешь. Мясо давай.

Ника прыснула в кулачок и активно заработала челюстями. Я тоскливо покосилась на тарелку с нарезкой.

– Кто бы мне мясо дал. Колбасу будешь?

– Давай, – снисходительно кивнул кот, попробовал упавший на пол кусочек и недовольно зашипел.

– Не нравится? – удивилась я. – Ну уж прости, что есть.

– Дашка! – дверь распахнулась, на пороге появился знакомый дедок, внимательно оглядел наше сборище, подошел, согнал кота с места, пододвинул стул, без разрешения цапнул сыр и хлеб. – Дашка, ты чем Глашку напоила?

Я последовала примеру дочери и начала усиленно жевать. Чем, чем. Что под руку попало, тем и напоила.

– В общем, собирайся давай, ведьма, – разгадал мой маневр доедавший уже второй бутерброд Пихто. – Снова пойдем в деревню, будем Глашку лечить.

– Чем и от чего? – я тоскливо покосилась на остатки нарезки, поняла, что в меня больше не влезет, запила всё съеденное сладким чаем и взглянула на гостя.

– Сама увидишь и решишь. Ведьма ты, али кто.

– Не ведьма, – пожала я плечами.

На сытый желудок никуда идти не хотелось.

– Не была бы ведьмой, не прошла бы в дом, – последовал вполне логичный ответ.

Я вспомнила искры, возникшие во время уборки, потрясла головой, зажмурилась.

– Может, и ведьма, – согласилась с Пихто, – только не знаю ничего.

Отговорка, естественно, не подействовала, и мы с Никой вскоре снова входили в деревню. На этот раз встречала нас тишина. Ни плача, ни крика, ничего. Даже, казалось, птицы петь перестали.

– Это они от Глашки все спасаются, – пояснил дед.

Я поправила на плече сумку и уточнила:

– Почему спасаются?

Ответ появился из-за угла, шатающийся, с измазанным золой лицом, в рваной одежде и с запахом... Перегаром, что уж там.

– Пить... – протянул «ответ», и я по голосу узнала Глашку.

– Воду не пьет, самогонки на нее не напасешься, – сообщил Пихто. – Чем ты ее вчера поила-то?

Если б я помнила...

Пока Глашка не дошла до нас, время найти настойку было, и я стала рыться в сумке. «От гнева», «для доброты», «после ссоры», «грусть и сон»... «От доброты» бабе сейчас точно не надо было. «От гнева»? Так она вроде и не...

– Мама, а телёнок рычит, – сообщил непоседливый ребенок, выглядывая из хлева.

Я мельком глянула в сторону дочери, отметила краем сознания еще не грязную одежду, пропустила мимо ушей слова и, посомневавшись немного, достала «Веселье и радость».

Стараясь не думать о составе настойки, я протянула пузырек подошедшей Глашке и велела:

– Пей.

Глава 2

Ты уймись, уймись, тоска

У меня в груди!

Это только присказка -

Сказка впереди.

В.С. Высоцкий. «Лукоморья больше нет»

В заповедных и дремучих, страшных Муромских лесах

Всяка нечисть бродит тучей и в проезжих сеет страх.

Воет воем, что твои упокойники.

Если есть там соловьи – то разбойники.

Страшно, аж жуть!

В.С. Высоцкий. «Песня про нечисть»

Дома нас с дочерью ждал довольный собой кот. А на деревянном пороге лежала...

– Крыса! – завизжала на ультразвуке перепуганная Ника.

Я присоединилась к ней, оглушив своим визгом и ребенка, и нахальную живность. На пальцах вновь появились искры, крыса сама собой подпрыгнула, перекувырнулась в воздухе и понеслась на ошеломленного моим вероломным поведением кота. Следующие две-три минуты мы с Никой, обе резко замолчавшие, с удовольствием наблюдали, как Васька пытался скрыться от собственной добычи в лесу, то носясь по траве, то залезая на деревья, то учась летать. Деревья, словно подчиняясь моей воле, расступались на всем пути кота и охотно демонстрировали нам его перепуганную тушку.

– Ника, пойдем домой, – я кивнула на освободившийся проход. – Пусть этот боец почувствует себя в роли добычи.

Дочь хихикнула, а потом спросила.

– Мам, а ты сегодня готовить будешь? Или на обед – остатки сыра и колбасы?

– Ты тут где-то видишь печь? – приподняла я брови в удивлении, мысленно гадая, чем мы будем питаться до конца импровизированного отпуска.

– Тут же магия, мам! – сообщил мне ребенок уже из комнаты.

Да, действительно. Как же я могла забыть. Осталось научиться этой магией пользоваться.

Электричества в доме предусмотрено не было. А вот большая печь, как в русских народных сказках, выдвинулась из стены, подчиняясь моему желанию. Я скептически посмотрела на нее, перевела взгляд на довольную жизнью дочь, подавила вздох. Готовить на ЭТОМ я не умела. В деревне у родителей стояла электроплитка, плюс – обычная, газовая, в летней кухне. Да спроси я любого старожилы лет восьмидесяти-девяноста, каждый день греющего кости на завалинке, умеет ли он использовать такую вещь, он тут же покрутил бы пальцем у виска.

– Давай сначала доедим остатки нарезки, – решила я, – кот ее все равно не оценил. Не пропадать же добру.

Пока дочь послушно жевала сыр с колбасой, я сидела у окна и старательно выдумывала всевозможные виды казни для любимой подружки. В том, что меня подставили, причем намеренно, я уже не сомневалась. Но вот причина? Зачем Юльке, прекрасно знавшей мою безру-

кость в быту и полную непригодность к старославянской жизни, отправлять меня в эту гуцу? Я ведьма? Да шаз, угу. В тринадцатом колене.

– Мам, – позвал забытый ребенок, – там в дверь стучат. Чужой кто-то. Открывать?

Я встрепенулась, тряхнула головой, прислушалась. Действительно, стучат.

– Почему чужой? – вспомнила я слова дочери, подходя к порогу.

– Не знаю, – пожалала плечами Ника. – Я так чувствую.

Прелестно. Просто прелестно.

Я открыла дверь и уставилась на незнакомца. Высокий широкоплечий, явно накаченный брюнет с глазами болотного цвета ответил мне злым взглядом.

– Ты кто еще такая? И где эта... – мужчина осекся, видно, заметил Нику, прижавшуюся к моему боку. И кого сюда принесло?

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась я, – если вы ищете Юлю, то она уехала.

Мужчина осмотрел нас с дочерью с ног до головы, потом зло прищурился.

– Две ведьмы, сил хоть отбавляй, а ума ни у одной нет. Везёт мне... Войти дашь?

Я было хотела ответить разрешением, но в голову почему-то полезли сказочные предостережения о том, что нельзя пускать нечисть в свой дом, иначе... Что «иначе», я не помнила, но предостережение подействовало, и я спросила в лоб:

– Вы нечисть? Вы хотите...

Договорить не получилось: мужчина согнулся пополам от хохота. Странная реакция. То злит, то смеется. Он вообще здоровый?

– Я кто? – через несколько секунд, отсмеявшись, разогнулся мужчина, – Я – нечисть? Ты меня, Кошечка, нечистью назвала?

Приехали. Вот только Кошечка мне тут и не хватало.

– Кошей? – тем временем напомнила о себе Ника. – Настоящий? А правда, что ты Бессмертный? А смерть твоя в яйце, да?

Мы с мужчиной синхронно залились краской.

– Ника, – одёрнула я дочь и посторожилась, давая гостю пройти, – заходите, пожалуйста.

Накрыть на стол, конечно, недолго, вот только чай Кошечку не предложить: с самоваром я управлять не умела, электричества в домике не было, так что мы с Никой пили бутилированную газированную и обычную воду, привезенную с собой на всякий случай. Гостю я честно предложила нарезку и хлеб, показала на бутылку с минералкой. В ответ получила взгляд, которым обычно смотрят на умалишенных. Впрочем, предложение мое все же было принято, и Кошей начал неспешно жевать самодельный бутерброд, запивая его обычной водой.

– А ты... – начала было не умевшая молчать Ника, но я резко оборвала ее.

– Кто тебя учил к взрослым людям обращаться на «ты»?

Ребенок удивленно моргнул.

– Мама, но это же не настоящий человек, это же просто сказочный персонаж!

Рядом послышался надрывный кашель. Похоже, кому-то сыр с колбасой комом в горле встали.

– Ника, – сурово сдвинула я брови, – никакого «тыканья». Ясно?

Ребенок поскукнел, обиженно скуксил, кивнул и задал вопрос по-другому.

– А вы правда в лягушек превращать умеете? У меня подружка есть, сможете ее превратить?

Я закатила глаза, Кошей закашлялся во второй раз, отставил в сторону еду и, проигнорировав вопрос Ники, повернулся ко мне.

– Мне нужна невеста.

– И что? – не поняла я.

– Баба Яга должна была сыграть её роль. Теперь ее нет, а раз так, играть придется тебе.

– Зачем? – да, оригинальность – не мой конёк, но никаких мыслей в голове, кроме очень нецензурных, не было.

– Мы тут ненадолго, – влезла неугомонная дочь, – а тетя Юля скоро приедет!

– Понятия не имею, кто такая «тетя Юля», – гость, оправившись от детских вопросов Ники, казался воплощением спокойствия и невозмутимости, – но в договоре сказано: «Та, кто проживает в этом доме, должна стать невестой Кощея».

В воздухе появился свиток, обычный, древнерусский, на котором наши предки писали. Он завис перед моими глазами, развернулся и загорелся разными цветами.

Зная Юлю, мастерицу формулировок, я поверила сказанному, даже не вчитываясь в содержание: старославянская письменность сейчас никак не хотела складываться в привычные слова.

– Надолго? – отвернувшись от списка, я взглянула на невозмутимого Кощея.

– Пока гости из дворца не разъедутся, – последовала размытая формулировка.

Ехать не хотелось. Становиться невестой – тоже. Спасибо, мне хватило первого неудачного «брака».

– Я не могу бросить дочь, – озвучила я первую пришедшую в голову формулировку.

– Вдвоем поедете.

– Втроем, – в полуоткрытую дверь заглянул кот.

– Ты? – повернулся к Ваське Кощей.

Судя по голосу, гость был сильно удивлен увиденным.

– Я, Кощеюшка, кто ж ещё, – какая богатая у этого животного мимика. Не знала, что звери умеют ухмыляться...

Отправились в путь через час: пока гость с котом о чем-то своем неспешно беседовали у калитки, мы с Никой собирали вещи. Закончив со сборами, направились по другой тропинке вглубь леса. Кощей – впереди, за ним, по воздуху, наши с Никой сумки, потом – дочь, я, кот. Необычная процессия.

Дошли до небольшой поляны, первой, увиденной мной в этом темном лесу, вышли на освещенный солнцем правильный круг – кто-то намеренно высаживал деревья так, чтобы они окружали поляну, как стражи, ни малейшего просвета между стволами, даже странно, как мы внутрь попали. Еще более странным казался невысокий пенёк, уверенно возвышавшийся над зеленой травой. У меня появилось ощущение, что его сюда откуда-то переместили, слишком уж искусственно выглядел он среди круга света, которым была залита поляна.

Кощей приказал нам с дочерью подойти поближе, к самому пеньку, что-то пробормотал, сделал пассы руками, и спустя секунду мы очутились перед настоящим дворцом. Трехэтажное здание мало было похоже на древнерусские постройки. Да и в Европе я не припомнила ничего подобного. Массивные ворота, ажурные арки, стройные башенки, широкий подвесной мост соседствовали с изящными флюгерами, странными мужскими, женскими, звериными фигурами, якобы поддерживавшими постройку. В общем, разные стили были смешаны друг с другом.

А еще меня смутил сам факт перемещения: с полянки прямо ко дворцу? Не видела бы искр на собственных руках, уже пыталась бы дозвониться до докторов. А так...

– Портал, мам, – снисходительно пояснила Ника.

Рядом фыркнул кот. Кощей покосился на нас, но комментировать не стал.

Дворец встретил нас величественной тишиной.

– Стоит отлучиться на минутку, – ухмыльнулся в усы кот, – как гости разбегаются сами.

Наш хозяин нахмурился, хотел что-то ответить, но в это время невдалеке послышался топот. Кто-то торопился, кого-то ловили.

– Дядя! – из-за поворота, ловко срезая углы, вылетел вихрастый худощавый блондинчик лет десяти, не больше. – Дядя! Я...

– Ванька, я кому сказала?! – женщина, топавшая вслед за парнем, была высокой, тучной и раздраженной. – Ваше сиятельство!

– Тихо.

Вот, прямо как я. Сказал, не повышая голоса, а замерли все.

– Ваня, – Кощей повернулся к парню, – это Ника. Она у нас немного погостит. Не обижай ее. Зина, вы присмотрите за детьми. Сейчас идите втроем в детскую.

– Мам? – вопросительно повернулась ко мне дочь.

Я мысленно вздохнула. Бедные Зина с Ваней. Кто кого обидит, называется.

– Постарайся тут ничего не разрушить, – я ласково погладила дочь по голове.

Ребенок понятиливо кивнул. Да-да, этакая пай-девочка. Если не знать ее близко.

Хозяин иронично приподнял брови.

– У меня тут отличная защита.

О да. А у меня – Ника. Но произносить это вслух я не стала.

– Пойдем, покажу твою комнату и объясню, что конкретно от тебя требуется, – Кощей уверенно направился к деревянной лестнице, довольно высокой на вид.

Я поднималась вслед за ним, держась за гладкие лакированные перилла. Ступеньки не скрипели, шагать удавалось относительно тихо. Комната, в которой я очутилась, напоминала спальню исключительно присутствием кровати. В остальном, благодаря многочисленным ворсистым коврам на полу и стенах, она казалась гостиной или приемной какого-то богатого шаха. Ковры... Пыль...

Грязь я не любила. На пыль у меня была аллергия. Даже не спрашивая, насколько хорошо тут убирают, я по инерции чихнула. Потом еще и еще. Блин, ну вот когда это законч... Апчхи... Убрать бы их все куда подальше! Или меня! На кончиках пальцев снова замерцали искры. В следующую секунду мы с Кошеем оказались в чистом поле. Вдвоем. Романтично, да. Округлившиеся глаза мужчины подсказывали, что чувство романтики кому-то явно чуждо.

– Ты...

– Дарья, – прервала я спутника, – можно Даша.

Нет, ну в самом деле, мы ведь даже не представлены толком, он имени моего не знает, а туда же – «тыкает».

Кощей нахмурился, что-то обдумывая, потом поинтересовался:

– Как ты обошла защиту?

– Какую? – удивленно уточнила я.

– Мою.

Разговор начинал напоминать традиционное общение Ники с бабушкой. «Ника, где варенье?», «Какое варенье, бабулечка? Не было ничего!»

– Не знаю, – вспомнила я приемы дочери и часто-часто заморгала, пытаюсь кокетливо работать ресницами.

– Тебе плохо? – последовал участливый вопрос.

Я подавила вздох. Ясно. Кокетство никогда не было моей сильной стороной.

– У меня на пыль аллергия, терпеть не могу ковры, – честно ответила я. – Начала чихать и захотела убрать или ковры, или себя.

– Захотела, – задумчиво произнес Кощей. – Просто захотела... Дар... Даша, там стояла сильная защита от проникновения и исчезновения. Она не выпустила бы тебя.

Похоже, у кого-то произошел разрыв шаблона.

– Возвращаться мы как будем? – перевела я тему в другое русло. У меня там Ника одна. Без присмотра.

– Ногами, – пожал плечами мой все еще ошарашенный спутник. – Даже я не могу открыть портал отсюда во двор дома.

Жаль...

– Тогда пошли, – я оглянулась, пытаюсь определить, где мы и в какую сторону нужно идти. Щаз, как говорит Ника. Поле. Вокруг трава. Зеленая. Высокая. Мне по пояс.

– Пошли, – согласился Кощей и язвительно уточнил. – Знаешь, куда?

– Вы – маг, вам положено знать, – пожалала я плечами.

– Ты, – перебили меня, – нам на людях жениха с невестой играть. Будет странно, если ты начнешь мне выкать. Поэтому привыкай. И нет, я не знаю, где мы. Не я сюда нас переносил.

В принципе, согласна. Но все же... Нику без присмотра больше чем на пять минут оставлять чревато.

– Если я пожелаю перенестись к дочери, мы вернемся? – посмотрела я на Кощея.

Тот пожал плечами.

– Пробуй.

Попробовала. Не получилось. Нахмурилась, попробовала еще раз. Результат тот же.

Мученический вздох рядом дал мне понять, что мой спутник смотрит на меня так же, как я – на дочь: этакое непоседливое недоразумение, ничего особо не умеющее, но во все активно вмешивающееся. Не особо приятное ощущение.

– Пойдем, – кивнул Кощей вперед, – куда-нибудь, да выйдем.

Странное отношение к собственному незапланированному перемещению. Но делать нечего, пошли. Прямо по высокой мокрой траве. Не знаю, как на это варварство отреагировали сапоги Кощея, но мои кеды, купленные по дешевке, дали понять, что скоро станут ярко-зелеными. Джинсы были с ними солидарны.

– Как ты оказалась в доме Яги? – спустя какое-то время спросил Кощей.

– Она моя подруга, пригласила пожить у неё две недели, сказала, ей срочно надо уехать, – ответила я.

Тихий смешок. Весело, да. Дура я полная. Прибью Юльку.

– Баба Яга и ведьма – подруги. Не слышал раньше о подобном.

– И не услышишь больше, – буркнула я раздраженно, – потому что я ее прибью, когда увижу.

– Ты? – на меня задумчиво посмотрели. Смешок повторился. – Ты можешь, да. – И без перехода. – Эти две недели у меня будут важные гости. Как раз перед ними и нужно изобразить невесту. – Помолчал и добавил. Как кирпичом приложил. – Влюбленную в меня невесту.

Я споткнулась. Понятия не имею, что попало мне под ногу, но не упала я только благодаря тому же Кощею, вовремя поддержавшему меня под локоть.

– Странная реакция на мои слова, – в глазах болотного цвета появилась насмешка. – Что, красная девица, не люб я тебе?

Я дернула рукой, пытаюсь высвободиться из его захвата, но держал Кощей крепко. И ответ ждал.

– Не умею притворяться и не хочу влюбляться, – максимально честно ответила я.

Руку отпустили.

– Разбитое сердце, значит, – сделал правильный вывод мой спутник, задумчиво посмотрел на меня и кивнул скорее своим мыслям, чем моим словам. – Тогда хотя бы гостей кислым видом не напугай.

У меня зачесались руки. Очень захотелось приложить этого умника чем-то тяжелым. Увы, ничего подходящего рядом не наблюдалось. Пришлось снова молча идти по траве.

Минут через десять-пятнадцать на горизонте внезапно показались крыши домов. Похоже, деревня. Еще минут через пять к нам на встречу выбежали босоногие вихрастые мальчишки, поклонились в пояс Кощею и задорно сообщили, что староста рад знатным гостям. Мол, приходите, гости дорогие, горло промочить.

– Как он узнал? – повернулась я к спутнику.

– Это мои владения, – последовал ответ, – тут каждый житель узнает о моем приближении.

Ясно. Опять магия.

Деревня оказалась небольшой, домов двадцать, не больше. Причем крепких таких и домов, и хозяйств. Люди тут явно не бедствовали. Огороды, сады, хлева, курятники – всё так и кричало о собственниках, процветавших под кощевой рукой.

Староста встречал нас на площади – единственной местной достопримечательности. Пожилой седой мужчина среднего роста с серыми внимательными глазами степенно поклонился в пояс нам обоим и повторно пригласил к себе – отобедать, чем бог послал. Кошей и не подумал отказываться. А у меня появилось нехорошее предчувствие, связанное с дочерью. Ох, как бы, вернувшись, не обнаружить ее на руинах кощева дома...

Прямоугольный деревянный стол, накрытый цветастой клеенкой, радовал взгляд обилием пищи: ржаной каравай размерами с две моих головы, рассыпчатая гречневая каша, жареная курица, овощи, сыр, в одном кувшине – квас, в другом – морс. Ешьте, гости дорогие, можете даже лопнуть. Мы и поели. Я молчала, жена старосты, низенькая пышная женщина с бегавшими глазами, тоже. А вот мужчины... И урожай, и соседи, и погода... Что они только не обсудили, разве что религию не затронули. Я вслушивалась в разговор и понимала, что попала куда-то в Древнюю Русь. По крайней мере, жизненный уклад был ну очень похож на то время.

Наконец Кошей поднялся из-за стола, поблагодарил хозяев, галантно подал мне руку, и мы направились в сторону, противоположную той, откуда пришли.

– А... – начала было я.

– Порталом быстрее, – перебил меня мой спутник.

– То есть... ты знаешь, где он находится?

– Конечно, в каждой деревне есть портал для мгновенного перемещения в пределы дворца.

Логично. И как я сама не додумалась.

Мы быстро подошли к темному помещению, больше всего напоминавшему хлев. Кошей завел меня внутрь, снова что-то пробормотал, «поработал» руками, и в следующую секунду мы очутились в густом сером дыму, вонявшем тухлыми яйцами.

– А где... – чистый воздух как-то подозрительно быстро закончился, я закашлялась, – где... мы...

– Дома, – мой спутник тоже кашлял, но в этих звуках натренированным ухом я уловила угрозу.

Секунда, другая, я кашляла, не переставая, но вдруг все исчезло. Остались только мы: кашлявшая я и разозленный Кошей.

– Ванька! – да что ж он орет-то так! Аж в ушах звенит! Была бы я на месте парня, сразу затаилась бы.

Молчание.

– Ванька, чтоб тебя... – Кошей осекся, видно, вспомнил обо мне рядом, замолчал, нахмурился, что-то пробормотал. В воздухе появилась ярко-синяя нить.

– Пойдем, – велел он.

– Куда? – кашель наконец-то прошел.

– Этих паршивцев искать будем.

Пошли. Почему-то за ручку. Якобы так я нить буду постоянно видеть, через Кошея. Я не стала говорить, что и так ее видела, шла молча, наслаждалась чистым воздухом, держалась за широкую и теплую ладонь. Вот вроде мифологи считают, что Кошей к загробному миру принадлежит, а рука теплая. Да и сам он как-то не очень на мертвеца похож... Получается, неправильный Кошей мне достался...

Детей мы нашли в большой светлой комнате с распахнутым настежь окном, судя по обстановке, детской. Они склонились макушками друг к другу и что-то изучали, стоя возле стола.

– Ваня, – обманчиво ласково позвал Кощей.

Пацан вздрогнул, повернулся, покраснел, втянул голову в плечи.

– Что на этот раз? – все так же по-доброму буквально пропел мой спутник.

– Это мы шкурку царевны лягушки жгли, – храбро выступила вперед Ника, заметила мой крайне заинтересованный взгляд, смутилась и опустила голову. – Ну мам, ну когда еще в сказку попадем, – пробормотала она жалобно.

– Таблицу умножения наизусть мне расскажешь, вместе с правилами русского языка. Всеми выученными за эти годы, – безжалостно сообщила я дочери.

Ника обиженно шмыгнула носом, губы задрожали.

– Прекратить концерт. Иначе без ужина останешься, – добила я ребенка.

Кощей изумленно посмотрел на меня.

– Ты моришь дочь голодом?

– Постоянно, – выдала меня с потрохами обиженная малолетняя любительница сладкого и мучного.

Я страдальчески закатила глаза. Нашли мучительницу. И смотрят оба, что Ванька, что Кощей, как на садистку.

– Видел бы ты, сколько она ест. Тем более, вместе с учебой, это самое действенное наказание.

И пока наш хозяин обдумывал сказанное, я повернулась к парню.

– Где вы, два бандита, нашли царевну лягушку и почему содрали с нее кожу?

Дети заулыбались, Кощей в очередной раз поперхнулся воздухом и закашлялся. Ну да, у него фантазия побогаче, чем у не видевших жизни подростков.

– Во дворе шкурка лежала, – честно ответил Ванька, – Ника подумала, что она от царевны какой-то осталась, я не стал ее отговаривать.

– То есть... То есть... – задыхнулась от возмущения и обиды обманутая в лучших ожиданиях дочь, – ты мне соврал?! Да как ты...

– Не думаю... – прервал ребенка задумчивый Кощей. – Вряд ли это была одежда царевны, но обычные лягушачьи шкурки такого эффекта не дают... Ника, – повернулся он к моей дочери, – дай мне ладонь.

Дать ладонь самому Кощею?! Да конечно! Да пожалуйста! Какие там меры предосторожности. Ребенок лет с пяти мечтал попасть в русскую народную сказку, спасти Василису, помочь Ивану, победить того самого Кощея. Так что руку Ника протянула мгновенно. И через секунду над детской ладошкой загорелся зеленый огонек.

– Природная ведьма, и близко серого нет, – внимательно следя за огоньком, медленно проговорил Кощей. – Что ж, надо будет принять меры... – И уже парню. – Ваня, ты показывал Нике наши ужасно страшные подземелья?

Через секунду обоих непосед сдуло ветром из комнаты.

– И что это было? – удивленно спросила я, ни на секунду не поверив в «ужасно страшные подземелья» – слишком живым и цветущим выглядел мальчишка.

– То, что в ни в тебе, ни в Нике, зла нет, а шкурка горела серым, – последовал не совсем ясный ответ.

– Намекаешь, что в ней была заложена какая-то жуткая гадость? – уточнила я.

– Именно. Осталось понять, кто и как ее сюда пронес и для кого она предназначалась...

Я хотела задать еще несколько вопросов, но мой желудок совсем некстати напомнил о своем существовании. Кощей по-доброму улыбнулся. Я покраснела.

Обедали мы вдвоем – дети были заняты исследованием несчастных, пока еще «ужасно страшных», подземелий.

Стол вышколенные слуги споро накрыли в обеденном зале. Гречневая каша, два вида сыров, жареное, вареное, тушеное мясо, сбитень, квас, блины с медом и черной икрой... Желудок издавал пронзительные трели практически непрерывно. Ели мы молча. Я тщетно старалась помнить об этикете и собственной талии: все же сорок восьмой размер – это не сорок второй, радовавший мой глаз до беременности. Да, при росте метр семьдесят пять толстой я пока не казалась, но упитанной – точно. А с такой мечтой гурмана рисковала вернуться домой вторым карлсоном. Вот только умопомрачительные запахи и таявшая на языке еда ничего слышать не хотели о моих планах.

– Давно вы знакомы с Ягой? – закончив обедать и отставив в сторону тарелку, спросил Кощей.

– С Юлей? – я пожала плечами, думая, не пора ли мне остановиться. Блины никуда не убегут, а вот талия... – С раннего детства.

– И она ни разу не сообщила тебе, кем является?

Странные вопросы. Хотя да, Юльке надо будет намылить бока, когда вернусь.

– Ни разу, вряд ли я бы поверила ей, так что... – я не договорила: внизу прогремел взрыв. Подскочила я со стула мячиком, забыв о переполненном желудке.

– На детях моя личная защита, – Кощей, в отличие от меня, из-за стола вставал неспешно, – они и на руинах этого дома живые и невредимые окажутся.

– Смотри, не накликай, – я послушно подала ему ладонь, и мы снова направились вслед за синей ниткой.

Подземелья Кощей, как я и думала, встретили нас чистотой, светом, пусть и тусклым, и сильным запахом гари.

Нитка упорно вела куда-то вглубь дома.

– Ужина, говоришь, лишаешь? – повернулся ко мне хозяин имения с нездоровым блеском в глазах. – Знаешь, я уже не считаю, что это плохая идея...

– Ты догадываешься, куда мы идем?

– В сокровищницу. Туда вход закрыт. Причем закрыт мной лично, фамильным заклинанием.

Да? Что ж это заклинание оказалось таким хилым? Или то не заклинание виновато, а дети, с их непонятной силой?

Упомянутые дети, грязные с ног до головы, как ни в чем не бывало стояли возле развороченной деревянной двери и тщетно пытались проникнуть внутрь.

– Не доросли еще, – подал голос Кощей.

Ноль реакции.

Я нахмурилась, шагнула было к дочери, но мой спутник качнул головой, подошел сам и встал перед взломщиками.

Реакция появилась, но почему-то ненормальна: и Ваня, и Ника вдруг захихикали, начали тыкать в него пальцами и пытаться погладить «милого котика».

– Заклинание все же сработало. Только непонятным образом – они видят галлюцинации, – пояснил Кощей мне, не сходя с места. – Теперь в таком состоянии они пробудут до вечера, если не до утра.

Прелестно. Вот только дочери «под магическим кайфом» мне и не хватало...

Хозяин дома вызвал двух дюжих молодцев, местных охранников, и те помогли транспортировать брыкавшихся мелких вредителей в их комнаты. К Ване побежала та самая служанка, встретившая нас первый раз. Я направилась к Нике. За руку с Кощеем, как ни странно. Нити на этот раз не было, но мою ладонь никто не отпускал.

Дочь лежала на кровати, хихикала, смотрела на потолок и считала звезды.

– Ой, мама, – протянул ребенок, повернувшись на скрип двери, и тут же нахмурился. – А почему ты трёхголовая? Да еще и в крапинку?

Я покосилась на ухмыльнувшегося Кощея.

– Когда ее успели переодеть?

– Слуги у меня натренированные, – пожал плечами он, – не грязной же ей на перину ложиться.

Действительно. И лежал мой ребенок не в джинсах и майке, как привык, а в длинном, до пят, сарафане.

Нику мы оставили на попечении двух служанок ее возраста. Девчата пообещали накормить и развлечь егозу. Хотя с развлечениями они запоздали. Дочь сама себя весь день развлекала неслабо.

– Вот, – Кощей прямо от комнаты Ники повел меня в другое крыло и остановился перед неприметной дверью.

– Что «вот»? – уточнила я, не спеша входить.

– Твое место, где зелья варить будешь.

Я икнула. Как-то само собой вышло.

– Варить что?

– Ты же ведьма, – последовал бьющий наповал ответ.

Дверь открылась. Меня ввели в комнату. Современная лаборатория могла бы позавидовать этому месту: колбочки, мензурки, тренажеры, уйма приспособлений, о которых я никогда не слышала.

Кощей стоял рядом, внимательно на меня смотрел и явно ждал реакции. Юля, я тебя убью.

– Последний раз я варила зелье в пять лет, из грязи и песка, – нехотя призналась я.

Черные брови Кощея медленно поползли вверх.

– Ты хочешь сказать, что у тебя есть только сила? Ни опыта, ни знаний? – уточнил он и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Попробуй призвать родовую книгу.

Видимо, выражение на моем лице было достаточно скептическим, потому что гостеприимный хозяин тяжело вздохнул и объяснил:

– В роду у каждой ведьмы есть своя книга, доступная только членам этого рода.

– Женщинам? – уточнила я, вспомнив всю прочитанную за жизнь фантастику.

– Необязательно, – пожал плечами Кощей. – Может и мужчинам в руки даваться. Но только членам рода. Здесь стоит мощная защита, не уверен, что у тебя получится, но все же постарайся. Книга поможет тебе лучше понять, что происходит, да и как варить зелья, тоже подскажет.

«Попробуй призвать». И как он себе это представляет, интересно?! Что это? Телекинез, телепатия, другой способ?! Книга... Как она выглядит, эта книга? В голову лезли только картинки с огромными талмудами. Я представила себе, как такая книга вываливается прямо из воздуха и падает на голову, мне или Кощей. Представила и вздрогнула: очень живая картинка получилась.

В следующую секунду дворец завибрировал, повсюду раздался свист, вой, грохот. А вслед затем на пол медленно опустилась книга. Обычная, размерами с ежедневник, она красовалась оранжевой обложкой и то и дело пробегавшими по этой обложке искрами.

Свист, вой и грохот исчезли, едва Кощей махнул рукой. Уставившись на новый предмет в комнате, мужчина недоверчиво качнул головой.

– Надо же... Ты действительно очень сильная ведьма. Будешь тренироваться?

Мои джинсы и майка не подходили на рабочую робу. Но почему бы и нет?

Оставив меня наедине со сборником знаний, Кощей благоразумно ретировался. Я же медленно присела на один из деревянных табуретов, с опаской протянула руку, осторожно взяла книгу. Осталось понять, как ее открыть...

Словно подчиняясь моим мыслям, «талмуд» открылся сам, где-то на середине. На абсолютно белой странице стали появляться буквы: «История рода». Следующие полчаса-час я просвещалась, в частности узнала, что мой род славился магически одаренными ведьмами и колдунами. Последние поколения, начиная с моей бабушки, магия по непонятным причинам в нас спала, потому никто из близких родственников в странных делах не был замешан, но вот мы с Никой по злой воле Юльки попали в странный мир, так похожий на Древнюю Русь, и магия пробудилась сама собой. Теперь осталось научиться ею пользоваться. Что, если верить книге, было делом простым: сыпь себе строго по рецепту травки и порошки в колбочки, готовь зелья, учи заклинания. В общем, чепуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.